

Роль высшего образования в воспроизводстве социального неравенства на рынке труда Казахстана

Научная статья

DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-3-114-127

Шнарбекова Меруерт Какпанбаевна – PhD, доцент, meru_12_12@mail.ru, Scopus ID: 57200079996

Казахский национальный университет им. аль-Фараби

Адрес: 050040, Казахстан, г. Алматы, проспект аль-Фараби, 71

***Аннотация.** Функционирование системы высшего образования анализируется в контексте взаимосвязей образования, рынка труда и семейных ресурсов, отражающих движение человеческого капитала и нынешние тренды профессиональной мобильности молодежи в Казахстане. В статье прослеживается, как современная система высшего образования способствует формированию социально-экономических паттернов поведения, включая выбор университета и специальности.*

В статье представлены данные исследования, проведенного среди молодежи с различным уровнем образования и материальным достатком. Выборка составляет 1000 респондентов. Опрос проведен с использованием техники формализованного интервью.

Полученные данные свидетельствуют, что расширение доступности высшего образования в Казахстане сопровождается стратификацией, проекцией которой выступает неравенство на рынке труда для молодежи с различным «фоном» семейного капитала. Данная тенденция имеет скрытый характер. Ресурсный капитал семьи оказывает влияние на диапазон выбора определенной образовательной траектории (уровень образования, вуз, специальность), в перспективе этот образовательный выбор определяет возможности карьерного роста молодого человека.

Ключевые слова: доступность высшего образования, образовательный выбор, образовательные практики, молодежь, престижные университеты, социальное неравенство, образовательная траектория, капитал семьи, социальная мобильность

Для цитирования: Шнарбекова М.К. Роль высшего образования в воспроизводстве социального неравенства на рынке труда Казахстана // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 3. С. 114-127. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-3-114-127

The Role of Higher Education in Reproduction of Social Inequality in the Labor Market of Kazakhstan

Original article

DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-3-114-127

Meruert K. Shnarbekova – PhD, Acting Assoc. Prof., meru_12_12@mail.ru, Scopus ID: 57200079996

al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Address: 71, Prospekt al-Farabi, Almaty, 050040, Kazakhstan

Abstract. The author analyzes how the modern education system contributes to the formation of socio-economically determined choice of higher education, where the latter includes a decision on continue studying, choosing a university and specialty.

The functioning of the higher education system is analyzed in the context of the interconnections of education, the labor market and family resources, which reflect the movement of human capital and current trends in social mobility in Central Asia, as exemplified by Kazakhstan.

The article presents data from a study conducted among young professionals aged 21 to 29 years with a different level of education. The sample represents the Republic of Kazakhstan and amounts to 1000 respondents. The survey was conducted using the technique of personal formalized interviews at the respondents' work place.

The data obtained indicate that the expansion of accessibility of higher education in Kazakhstan is accompanied by its stratification, which is projected in the inequality in the labor market for young people with a different «background» of family capital. This trend is hidden. The family's resource capital affects the range of choice of educational trajectory (level of education, university, specialty), in the future, the level of education and prestige of a young specialist's university determine career opportunities.

Keywords: accessibility of higher education, educational practices, youth, prestigious universities, social inequality, family resource capital, educational trajectory, social mobility

Cite as: Shnarbekova, M.K. (2021). The Role of Higher Education in Reproduction of Social Inequality in the Labor Market of Kazakhstan. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 30, no. 3, pp. 114-127, doi: 10.31992/0869-3617-2021-30-3-114-127 (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Образование имеет двоякий эффект: с одной стороны, оно выступает инструментом социального воспроизводства, обеспечивающим социальный порядок в обществе, с другой – оно является механизмом социальной мобильности, способствующим достижению молодёжью статусных позиций и устраняющим «конструкцию» прямого наследования статусов от родителей. Ранее проведённые исследования свидетельствуют, что молодёжь из социально уязвимых

групп рассматривает образование как изначальный старт в приобретении собственного социального статуса, тогда как для молодёжи из социально благополучных групп оно выступает «инструментом» сохранения или повышения высокой позиции семьи в социальной структуре [1]. Соответственно, спрос на высшее образование возрастает: представители из низших слоёв рассматривают образование как возможность трудоустройства на более хорошую работу, тогда как представители высших социальных слоёв

стремятся монополизировать свои позиции и передать их своим детям через рычаги образования.

Сегодня в Казахстане сложилась ситуация, когда диплом о высшем образовании уже не гарантирует социального роста, но выступает в качестве обязательного условия конкурентоспособности на рынке труда. К тому же сокращение системы среднего звена обучения и закрытие профессионально-технических училищ обусловили резкий переход выпускников школ в высшее звено обучения. Это привело, с одной стороны, к ещё большему спросу на высшее образование, а с другой – к его девальвации. Также сфера высшего образования характеризуется социальной дифференциацией, которая парадоксальным образом сочетает возможности и ограничения для молодых представителей разных социальных групп. Несмотря на реализацию политики по расширению доступа к получению высшего образования, что привело к увеличению числа студентов вузов, социальная дифференциация проявляется в стремительной стратификации высшего образования, которая проецируется на конкурентоспособность молодого человека на рынке труда.

Социологические размышления о проблемах в сфере образования связаны с осознанием того факта, что система образования не справляется с задачей обеспечения равенства возможностей и жизненных шансов для молодёжи с различным социально-экономическим статусом и ведёт к воспроизводству существующей социальной структуры. Хотя для выпускников школ возможность «получить» статус обладателя определённой профессии имеется, трудности в поисках хорошей работы для дипломированных специалистов в разрезе социально-экономического статуса, напротив, возросли.

Цель статьи – оценить роль высшего образования в формировании социального неравенства на рынке труда, проанализировав возможности получения качественного образования и достижения карьерного роста

казахстанской молодёжью в разрезе различных социально-экономических групп.

Обзор литературы. Постановка проблемы

Высшее образование является предметом активных дискуссий в научном сообществе [2]. В современной социологии данная проблематика активно исследовалась в рамках французской школы, где ей были посвящены работы таких известных исследователей, как П. Бурдьё и Р. Будон. П. Бурдьё рассматривает образование через призму социального класса. Согласно его теории общество стремится к воспроизводству своей структуры, и система образования, особенно её высшее звено, способствует сохранению социального неравенства. Расширение возможностей в области образования реализуется наряду с сохранением привилегий доминирующих социальных классов [3].

Р. Будон в рамках теории рационального выбора объясняет молодёжные практики в сфере высшего образования с другой перспективы. Он утверждает, что образовательный выбор осуществляется молодёжью на основе учёта «расходов» на ту или иную образовательную траекторию и «отдачи» от неё, где последнее выражается в возможности достижения карьерного роста или материального благополучия [4]. Различия в образовательном выборе связываются с разным уровнем академической подготовки и мотивации самой молодёжи [5]. Учитывая утверждение Р. Будона о влиянии академической подготовки молодёжи на их образовательный выбор, необходимо отметить функцию образования как социального фильтра, описанную известным социологом П. Сорокиным [6]. Данная функция обеспечивает отбор индивидов «по способностям», что кажется справедливым. Однако этот «фильтр» зачастую отсеивает молодёжь с низким социально-экономическим статусом. Причиной отсеивания служит не социально-экономический статус, а его «вторичные» последствия, во многом выражающиеся в низкой академической подготовке мо-

лодѣжи из социально непривилегированных групп. Именно это обстоятельство и заставляет критиков образования отмечать, что образование в большей степени закрепляет сложившуюся систему неравенства, нежели обеспечивает равные шансы [7]. В результате прослеживается фундаментальный разрыв в сфере образования, который меняет позиции акторов в отношении экономики и социальной мобильности [8].

Экономическая отдача высшего образования на индивидуальном уровне определяется надбавкой к заработной плате [9]. В данном аспекте Т. Гербер и С. Чунг подчёркивают, что уровень образования человека является важным фактором формирования конкурентоспособности на рынке труда в современных обществах [10]. Вместе с тем, отмечая растущее число безработной молодѣжи с высшим образованием в глобализирующейся экономике, С. Робертсон и Р. Дейл оппонируют общепринятому мнению, что высшее образование обеспечивает молодых людей лучшими перспективами карьерного роста и социальной мобильности. Международные исследования по вопросам занятости молодѣжи, в частности выпускников вузов, свидетельствуют, что получение высшего образования не гарантирует успешного трудоустройства [11], оно является лишь его необходимым условием [12]. В связи с этим многие страны начали реализовывать политику по расширению доступности высшего образования [13]. Одним из её механизмов является частичная приватизация сферы высшего образования, которая ведёт к различным социально детерминированным практикам. С одной стороны, появление частных вузов расширило доступность высшего образования для групп молодѣжи с низким социально-экономическим статусом и академической подготовкой [14]. Выпускники таких вузов также могут получать определённые надбавки к заработной плате в отличие от тех, кто без высшего образования [15]. С другой стороны, есть основания полагать, что они не имеют таких же преи-

муществ, что и выпускники государственных и престижных вузов. По данным исследований, выпускники частных вузов не являются востребованными на рынке труда [16] по причине отсутствия у работодателей уверенности в качестве их подготовки [17].

Тем не менее появление частных вузов способствовало расширению доступности высшего образования через его массивификацию, которая имеет разный социальный эффект. Процесс массивификации в значительной степени формируется интересами элит, которые рассматривают массовость высшего образования в качестве способа решения таких социальных и политических проблем, как безработица и региональная интеграция, и по-прежнему не желают увеличивать государственные расходы в этой сфере. В результате финансируемые государством образовательные программы в большей степени остаются избирательными и всё более предвзятыми по отношению к молодѣжи из непривилегированных социальных групп. К тому же, несмотря на инвестиции в образование, выпускники самофинансируемых образовательных программ остаются в неблагоприятном положении с точки зрения возможности трудоустройства [18]. Дополнительно к этому, массовое расширение доступности высшего образования снижает его ценность, что сопровождается ростом значимости его элитного сектора [19]. Соответственно, большинство молодѣжи ориентировано на поступление в элитный университет, который потенциально предполагает гораздо больше возможностей для трудоустройства [20].

Необходимо отметить, что карьерные устремления молодых людей не ограничиваются их личными предпочтениями, скорее, они формируются под влиянием разных институтов и их акторов. Процесс формирования карьерных устремлений начинается после поступления в высшие учебные заведения, значит, университеты являются организациями, оказывающими ключевое влияние. Данные исследования, проведённого среди

студентов Гарвардского и Стэнфордского университетов, свидетельствуют о том, что большинство молодых людей испытывают затруднения с определением траектории своей карьеры в первые годы, но в процессе обучения быстро занимают самые престижные позиции. Студенты учатся определять границы между «высокостатусными» и «обычными» профессиональными траекториями. Таким образом, элитные университеты способствуют формированию устремлений к получению высокостатусных позиций в профессиональной структуре общества [21], занимая важную роль в воспроизводстве социально-классовых отношений и существующих образцов привилегий.

Однако доступ к элитным университетам дифференцирован. Молодёжь из непривилегированных социальных групп имеет меньшую вероятность поступить в университет с высоким статусом, чем их более обеспеченные сверстники.

В студенческой когорте элитных вузов доминирует молодёжь с высоким социально-экономическим статусом. Такой дисбаланс также может быть связан с феноменом самоисключения, когда при выборе вуза выпускники школ, как правило, ориентированы на узкий круг образовательных учреждений, которые они считают доступными и соответствующими им в плане академической успеваемости [22] и социально-экономического статуса [23]. Однако процесс самоисключения не протекает на индивидуальном уровне, те же университеты нацелены на обучение представителей определённого социального класса [24]. В этом смысле элитные вузы являются рычагами мобильности, особенно для молодёжи с низким социально-экономическим статусом. И расширение возможностей поступления в такие вузы молодёжи из социально непривилегированных групп могло бы способствовать диверсификации демографической структуры элиты [25].

Важно отметить, что классовые различия намного интенсивнее проявляются в отношении выбора университета, нежели специ-

альности. Согласно результатам бинарной регрессии выбора специальности молодёжью, влияние уровня образования родителей, семейного дохода не является статистически значимым [20].

Выходцы из семей с высоким социально-экономическим статусом в различных странах имеют возможность реализовать разные образовательные траектории после окончания среднего образования, однако это не оказывает существенного влияния на общую тенденцию доминирования их в престижных и элитных университетах. Данная тенденция, скорее всего, объясняется тем, что они способны адаптироваться и продолжать использовать свои ресурсы с максимально возможным эффектом для обеспечения сохранения неравенства в образовании. Таким образом, социально-экономические различия в доступности элитного высшего образования играют заметную роль в поддержании «вторичного эффекта» неравенства.

Необходимо заметить, что выбор высшего образования не является абсолютно независимым решением молодого человека. Даже если семья и социальное окружение не участвуют в процессе выбора высшего образования, молодые люди принимают решение на основе осознания своих объективных возможностей, т.е. на основе «обоснованной доступности».

Актуальность проблематики

В условиях современного казахстанского общества, характеризующегося стратификацией высших учебных заведений по престижности, что ведёт к разным профессиональным статусам и к разным социальным позициям, актуализируется важность изучения молодёжных практик в сфере высшего образования в разрезе социально-экономического статуса. Значимость изучения данного вопроса также связана с дисбалансом между спросом и предложением профессиональных кадров на рынке труда, расширением платности образования, сокращением среднего звена обучения и «мас-

совостью» получения высшего образования молодёжью, что в целом ведёт к разным социальным и экономическим эффектам на индивидуальном и государственном уровнях. Недостаточность соответствующих эмпирических исследований казахстанского опыта даёт возможность предполагать, что выводы данного исследования будут интересными для понимания механизма взаимодействия «молодёжь – высшее образование – рынок труда» в реализации социальной мобильности или социального воспроизводства в развивающихся странах Центральной Азии.

Материалы и методы

Данное исследование проводилось в два этапа в рамках проекта МОН РК 5480/ГФ4 «Социологические индикаторы измерения конкурентоспособности выпускников казахстанских вузов на профессиональном рынке труда: сравнительное страновое исследование». На первом этапе изучалось влияние социально-экономических факторов, таких как уровень образования родителей, доход семьи, тип школы (частная/государственная), населённый пункт (город/село), на образовательный выбор молодёжи. На данном этапе изучалось первичное влияние семейных ресурсов на процесс выбора определённой образовательной траектории. Первичный эффект проявляется в профессиональном выборе, осуществляемом с учётом ресурсов семьи и академических возможностей выпускника. Академические возможности выпускника отождествляются со стартовым образовательным капиталом, который определяется не только способностями выпускника, но и ресурсами и возможностями семьи.

На втором этапе исследовалось вторичное влияние семейного капитала на выбор высшего образования, которое проявляется в возможности вертикальной мобильности молодёжи. Необходимо отметить, что вторичный эффект ресурсного потенциала семьи имеет латентный характер: на профессиональную мобильность молодого челове-

ка оказывает влияние не семейный капитал напрямую, а результат социально детерминированного образовательного выбора.

Выборку данного исследования составила молодёжь в возрасте от 15 до 29 лет, проживающая в городах Нур-Султан, Алматы и областных центрах 14 областей Казахстана (N=1000). Социально-демографические характеристики выборочной совокупности свидетельствуют, что опросом охвачены все группы молодёжи, являющиеся акторами сферы образования и рынка труда Казахстана.

Результаты исследования

Влияние образования родителей. Анализ полученных результатов свидетельствует, что большинство молодых людей рассматривают высшее образование как необходимое условие достижения успехов в жизни. В связи с этим был проведён анализ оценки молодёжью роли образования в достижении жизненных успехов в разрезе уровня образования их родителей. По выборке: оба родителя с высшим образованием (N = 231); один из родителей с высшим образованием (N = 235); оба родителя без высшего образования (N = 534).

Проведённый анализ показал положительную корреляцию: молодые люди, родители которых имеют высшее образование, считают, что «для достижения успехов в жизни необходимо иметь высшее образование», в то время как молодые люди, родители которых не имеют высшего образования, «не связывают жизненные успехи с уровнем образования». Такие различия проявляются по многим позициям в разрезе уровня образования родителей, кроме той, где акцентируется, что «послевузовское образование (магистратура, докторантура) положительно влияет на достижение успехов в жизни»: большинство молодёжи вне зависимости от уровня образования родителей согласно с этим утверждением.

С учётом положительного влияния уровня родителей на образовательные установ-

Таблица 1

Ответы на вопрос: «Какой уровень образования необходим для достижения успехов в жизни?»
в разрезе уровня образования

Table 1

«What level of education is necessary to obtain life success?» – answers by level of education

Варианты ответов	Уровень образования родителей			Отец с высшим образованием		Мать с высшим образованием	
	Оба имеют высшее образование	Только один имеет высшее образование	Оба не имеют высшего образования	Да	Нет	Да	Нет
Незаконченное среднее (основное)	0,4%	1,7%	2,8%	0,9%	2,5%	0,8%	2,7%
Среднее специальное (техникум, колледж, училище и др.)	3,9%	4,7%	10,1%	4,1%	8,9%	4,2%	9,4%
Высшее (в том числе бакалавриат и магистратура)	59,7%	48,5%	40,8%	57,6%	42,1%	54,5%	42,4%
Научная степень, PhD, докторантура	10,8%	11,1%	9,4%	11,1%	9,6%	10,8%	9,7%
Жизненные успехи не связаны с уровнем образования	16,5%	26,0%	29,6%	18,4%	29,1%	20,8%	28,7%
Трудно сказать	8,7%	8,1%	7,3%	7,9%	7,7%	8,9%	7,1%
Итого	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%

ки молодых людей был проведён отдельный анализ влияния уровня образования отца (с высшим образованием – N = 316, без высшего образования – N = 684) и влияния уровня образования матери (с высшим образованием – N = 380, без высшего образования – N = 620). При этом выяснилось, что мнения о роли высшего образования в достижении успехов, по оценкам молодых людей, чьи отцы имеют высшее образование, а матери не имеют, тождественны с установками молодых людей, чьи отцы без высшего образования, а матери с высшим образованием. Данный факт можно объяснить следующим образом: если в семье один из родителей имеет высшее образование, молодой человек воспитывается в атмосфере семейного габитуса, основанного на ценности образования. Ранжирование ответов на вопрос: «Какой уровень образования необходим для достижения успехов в жизни?» – представлен в таблице 1.

Влияние семейного дохода. В современном Казахстане подавляющее большинство молодых людей стремятся получить высшее образование. Поэтому в процессе исследо-

вания был проведён анализ отношения молодёжи к формам обучения в разрезе их материального благосостояния. Большинство молодых людей из семей с низким уровнем достатка (89%) отмечают, что высшее образование должно полностью финансироваться за счёт государства. С такой позицией согласны только 12% молодых людей, доход семьи которых характеризуется как высокий.

Операционализация социально-экономического статуса (СЭС) молодёжи. На выбор университета оказывает влияние не только уровень дохода семьи, но и другие социально-экономические характеристики. В связи с этим необходимо анализировать их суммарное влияние, учитывая социально-экономический статус семьи. В исследовании в процессе измерения социально-экономического статуса (СЭС) семьи использовалась иерархическая классификация занятости на основе уровня образования, профессии и должности, включающая шесть социально-профессиональных категорий [27]. В целях получения надёжной иерархической классификации занятости в рамках исследования был проведён двухуровневый

анализ. Занятость респондентов была определена на основе классификации Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. Такая классификация делит население на верхние, средние, полуквалифицированные и неквалифицированные профессии и представляет собой структуру занятости, репрезентирующую «классовую структуру».

Иерархическая классификация занятости включает шесть социально-экономических категорий:

I: Ia. Руководители государственного и частного сектора, бизнесмены. **Ib.** Высокопоставленные сотрудники государственного и частного сектора, самозанятые высоко-статусной научной деятельностью.

II. Сотрудники государственного и частного сектора, или самозанятые низко-статусной научной деятельностью.

III: IIIa. Квалифицированные сотрудники низкого статуса государственного и частного сектора, занимающиеся внеучебной деятельностью. **IIIb.** Работники ручного труда государственного и частного сектора, мелкие бизнесмены и индивидуальные предприниматели.

IV. Полуквалифицированные рабочие.

V. Неквалифицированные рабочие и фермеры.

VI. Безработные.

Данные категории были объединены в три подгруппы на основе уровня квалификации. Первая охватывает категорию I, представляющую руководителей и высокостатусных сотрудников; высокий СЭС. Вторая группа включает лиц, занятых среднестатусной работой, не связанной с физическим трудом (II, IIIa); средний СЭС. Последняя группа включает категории IIIb, IV, V и VI, это работники ручного труда, полуквалифицированные и неквалифицированные рабочие; низкий СЭС.

В рамках исследования на основе международной практики также анализировался уровень образования родителей молодёжи по следующим позициям: «Неполное

среднее образование» (базовое), «Среднее специальное образование» (техникум, колледж, училище и т.д.), «Высшее» образование» (степень бакалавра и выше). Семейный доход классифицировался на основе национальных стандартов: «высокий», «средний» и «низкий» уровень.

СЭС и качественное высшее образование. Как было упомянуто выше, показателем качества образования выпускника может выступать учебное заведение, которое он закончил. Престиж университета выступает определённым гарантом достижения управленческих и профессиональных успехов [28]. Высшие учебные заведения на основе национального стандарта, стоимости обучения, национального рейтинга и популярности среди населения были сгруппированы по престижности на три категории: топ, средние и низкие. Также данная типология была дополнена зарубежными университетами, окончание которых повышает конкурентоспособность молодого человека на национальном рынке труда. Респондентами были выпускники, студенты и абитуриенты.

Корреляционный анализ выявил взаимосвязь между типом университета и СЭС молодёжи и его семьи. Чем выше СЭС, тем амбициознее выбор молодёжи. Так, молодёжь с низким СЭС характеризуется стремлением обучаться в менее престижных университетах, и этот показатель в три раза выше, чем среди молодёжи с высоким СЭС. Большинство молодых людей среднего СЭС окончили, обучаются или планируют поступление в престижные национальные университеты, в то время как для молодёжи с высоким СЭС, наряду с престижными национальными вузами, доступными являются и зарубежные вузы (Рис. 1).

Мотивы выбора вуза молодёжью. Проведение факторного анализа позволило сгруппировать следующие мотивы выбора высшего учебного заведения молодёжью: мотивы получения качественного образования и социальные мотивы выбора (Табл. 2).

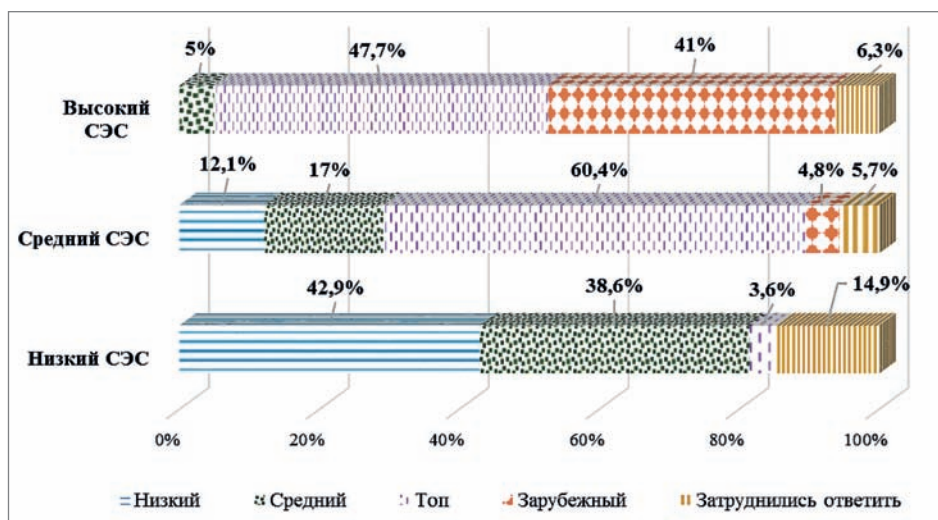

Рис. 1. Социально-экономический статус молодёжи и степень престижности вуза

Fig. 1. Socio-economic status of youth and the degree of university prestige

Таблица 2

Мотивы выбора молодёжью высшего учебного заведения

Table 2

Motives of youth for choosing a higher education institution

Мотивы выбора	Фактор	
	1	2
Авторитет вуза, рейтинг вуза		0,152
Рекомендации (советы) родственников, друзей, знакомых и др.	0,530	0,288
Возможность дополнительно обучаться за границей и получить два диплома	0,669	0,294
Интересная специальность	0,654	−0,011
Возможность получения качественного знания	0,730	−0,031
Изучение более одного иностранного языка	0,649	0,222
Низкая оплата, возможность бесплатного обучения	0,163	0,600
Удобное, близкое расположение к месту жительства	0,078	0,766
Предоставление общежития	0,145	0,777
Наличие военной кафедры	0,095	0,662

Фактор 1 (мотивы получения качественного образования): авторитет вуза; рекомендации (советы) родственников, друзей, знакомых; возможность дополнительно обучаться за границей и получить два диплома; интересная специальность; возможность получения качественного знания; изучение более одного иностранного языка.

Фактор 2 (социальные мотивы выбора вуза): низкая оплата, возможность бесплатного обучения; удобное, близкое расположение к месту жительства; предоставление общежития; наличие военной кафедры.

Анализ мотивов выбора в разрезе СЭС молодёжи и вычисление коэффициента связи показывают, что социальные моти-

Таблица 3

Мотивы выбора вуза в разрезе социально-экономического статуса семьи

Table 3

Motives for choosing a higher education institution by socio-economic status of family

Степень наличия	Социально-экономический статус семьи		
	Высокий	Средний	Низкий
<i>Мотивы получения качественного образования</i>			
Отсутствует	2,3%	4,3%	12,1%
Слабое	19,9%	21,4%	23,9%
Сильное	25,6%	27,0%	16,7%
Очень сильное	27,5%	28,3%	21,8%
<i>Социальные мотивы</i>			
Отсутствует	29,6%	24,1%	14,5%
Слабое	21,4%	18,7%	14,4%
Сильное	4,3%	6,1%	25,8%
Очень сильное	2,4%	3,8%	18,9%

вы выбора преобладают среди молодёжи с низким СЭС, тогда как мотивы к получению качественного образования характерны для их сверстников с высоким уровнем СЭС. Исключением является возможность получения гранта, что является важным фактором выбора для молодёжи как с низким, так и с высоким СЭС (Табл. 3).

Уровень образования и профессия. Корреляционный анализ профессии молодых людей в разрезе уровня их образования выявил статистически значимую взаимосвязь ($r = 0,724$). Среди молодых рабочих предприятий и шахт уровень образования сравнительно невысокий, только 22,2% из них имеют высшее образование, тогда как доля высокообразованной молодёжи выше среди молодых инженерно-технических работников, гуманитарной и творческой интеллигенции (70%).

Молодёжь со средне-специальным образованием преобладает в группе рабочих шахт и предприятий и составляет 35,4%, на второй позиции располагаются молодые офицеры армии и полиции – 28,6%. Но в последней профессиональной группе доля молодёжи с высшим образованием в два раза выше и равна 47,6%, что немного выше показателя работников сферы услуг – 40,1%. В целом во всех социально-профессиональных группах уровень образования достаточно высокий.

Оценка молодёжью перспективности своей работы. Представления о перспективности нынешней/приобретаемой профессии часто определяют дальнейшие профессиональные планы молодых людей: «продолжать обучаться/работать по данной профессии» или «выбрать иную профессию». Поэтому в процессе исследования молодые респонденты оценивали степень престижности и перспективности своей профессии.

Анализ позволил получить следующие интересные результаты. На основе занимаемой профессиональной деятельности молодые специалисты были сгруппированы следующим образом: (1) рабочие предприятий, шахт,строек; (2) инженерно-технические работники; (3) гуманитарная и творческая интеллигенция; (4) работники сферы услуг; (5) офицеры армии и полиции; (6) предприниматели. Им было предложено оценить свою профессиональную деятельность по позициям: «предоставляет и высокий доход, и социальный статус», «только социальный статус», «только высокой доход», «ни высокого дохода, ни социального статуса не даёт» (Табл. 4).

Позиция «работа позволяет получать и высокий доход, и социальный статус» превалирует среди молодых специалистов инженерно-технического профиля, без учёта военных офицеров и работников правовых

Таблица 4

Оценка профессиональной деятельности представителями разной специализации

Table 4

Assessment of professional activity by representatives of different specializations

Социально-профессиональные группы	Высокий доход и социальный статус	Только социальный статус	Только высокий доход	Ни то, ни другое
Молодые рабочие предприятий, шахт, строек	52,2%	0,0%	19,8%	28,0%
Молодые инженерно-технические работники	80,0%	6,7%	6,9%	6,5%
Молодая гуманитарная и творческая интеллигенция	68,4%	26,3%	0,0%	5,3%
Молодые работники сферы услуг	60,8%	20,8%	12,0%	6,4%
Молодые офицеры армии и полиции	98,5%	0,8%	0,4%	0,3%
Молодые предприниматели	54,5%	27,3%	9,1%	9,1%

органов, и составляет 80%. Наименьший статистический показатель по данной позиции характерен для молодых работников сферы услуг – 60,8%. Начиная службу военные офицеры и работники правовых органов достаточно высоко оценивают своё профессиональное положение: 98,5% считают, что их работа «высокооплачиваемая и статусная»; в данной группе процент отметивших, что их деятельность является неперспективной, то есть низкооплачиваемой и низкостатусной, близок к нулю – 0,3%.

Каждый четвёртый представитель гуманитарной и творческой интеллигенции (26,3%) считает, что профессиональная сфера предоставляет ему только социальный статус. Это является самым высоким показателем в разрезе разных социально-профессиональных групп молодёжи. Среди рабочих предприятий, шахт и строек доминируют представления, что их работа предоставляет возможности для укрепления материального достатка, то есть является высокооплачиваемой, но для них характерен «пессимистичный» настрой в оценке перспективности своей сферы деятельности в сравнении с другими социально-профессиональными группами молодёжи: 28% отмечают что «работа не даёт ни высокого дохода, ни социального статуса». Полные данные представлены в таблице 4.

Обучающейся молодёжи свойственны более оптимистичные оценки, нежели ра-

ботающей молодёжи. Так, половина обучающихся оценивают получаемую профессию как престижную и высокодоходную (50,3%), тогда как аналогичную оценку даёт 40,5% работающей молодёжи. 18,8% работающей молодёжи определяет свою профессию как низкодоходную и непрестижную, данную позицию придерживаются только 7,4% обучающихся. Такие позиции, как «престижная профессия» и «высокодоходная профессия», более выражены у работающих по специальности (21,1% и 19,6% соответственно), нежели у обучающейся молодёжи (12,7% и 7,2% соответственно). Отсутствие практической деятельности по профессии оказало влияние на то, что 22,4% обучающихся затруднились оценить перспективы своей будущей профессии (Рис. 2).

Опасения молодёжи. Страхи социально детерминированы, и, соответственно, чем выше социально-экономическое благосостояние человека, тем ниже степень его опасений за будущее. На основе факторного анализа основные страхи молодёжи были сгруппированы следующим образом: экономические; личностные; социальные.

Наблюдается корреляция между уровнем семейного дохода и наличием экономических страхов и опасений за своё будущее. Так, почти каждый четвёртый молодой человек с низким уровнем семейного дохода испытывает страх остаться без материальных средств к существованию, среди молодёжи с

Рис. 2. Оценка молодёжью перспективности нынешней/приобретаемой профессии

Fig. 2. Assessment of the prospects of the current/acquired profession by young people

высоким уровнем дохода это опасение свойственно каждому десятому. Соответственно, страх трудоустройства, потери работы также преобладает среди молодёжи с невысоким уровнем дохода.

Обсуждение и заключение

Профессиональное самоопределение казахстанской молодёжи смещается к стремлению получения высшего образования ради «диплома», а высшее образование начинается рассматриваться как показатель социального статуса и залог благосостояния. Конечно, такие устремления полностью не вытесняют основные цели получения высшего образования, но деформируют структуру целей его получения.

Большинство молодёжи оценивает возможность получения высшего образования позитивно, хотя есть группа молодёжи, считающая получение образования для себя недоступным благом. В молодёжной среде есть и категория, которая не связывает жизненные успехи с образованием; доля такой молодёжи увеличивается в старшей категории. Тем не менее значимость высшего образования достаточно высока во всех рассматриваемых группах молодёжи и характеризуется разным по значимости уровнем мотивированности.

В целом полученные данные свидетельствуют, что расширение доступности высшего образования в Казахстане сопровождается стратификацией, проекцией которой выступает неравенство на рынке труда для молодёжи с различным «фоном» семейного капитала. Анализ занятости молодёжи с учётом ресурсного потенциала семьи показывает, что руководящие должности занимает молодёжь с различным уровнем ресурсного потенциала семьи. Однако доля молодёжи с высшим и средним уровнем семейного ресурса превалирует в сравнении с молодёжью с низким уровнем ресурсного потенциала.

Выводы, представленные в статье, имеют важное значение для государственной политики в вопросах урегулирования занятости молодёжи с различным социально-экономическим статусом в структуре профессиональной иерархии и искоренения социально-экономического неравенства в возможностях достижения успеха молодёжью из непривилегированных групп. В условиях ограниченных финансовых ресурсов становится всё более важным, чтобы государственные средства были направлены на актуальные проблемы молодёжи, решение которых имеет как социальный, так и экономический эффекты.

Литература / References

1. Шнарбекова М.К. Эффекты семейного капитала в стратегии выбора высшего образования казахстанской молодёжью // Интеграция образования. 2018. №4. С. 712-727. DOI: 10.15507/1991-9468.093.022.201804.712-727 [Shnarbekova, M.K. (2018). The Effects of Family Capital on Kazakh Youth Strategies in the Choice of Higher Education. *Integratsiya obrazovaniya = Integration of Education*. Vol. 22, no. 4, pp. 712-727, doi: 10.15507/1991-9468.093.022.201804.712-727 (In Russ., abstract in Eng.)].
2. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Становление и развитие зарубежной социологии высшего образования (обзор) // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. №. 11. С. 33–50. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-11-33-50> [Zborovsky, G.E., Ambarova, P.A. (2020). The Formation and Development of Foreign Sociology of Higher Education: A Review. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 29, no. 11, pp. 33-50. doi: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-11-33-50> (In Russ., abstract in Eng.)].
3. Bathmaker, A.-M. (2015). Thinking with Bourdieu: Thinking after Bourdieu. Using 'Field' to Consider Inequalities in the Changing Field of English Higher Education. *Cambridge Journal of Education*. Vol. 45, no. 1, pp. 61-80, doi: 10.1080/0305764X.2014.988683
4. Jackson, M., Erikson, R., Goldthorpe, H.J., Yaish, M. (2007). Primary and Secondary Effects in Class Differentials in Educational Attainment: The Transition to A-Level Courses in England and Wales. *Acta Sociologica*. Vol. 50, no. 3, pp. 211-229. Available at: <http://www.jstor.org/stable/20459999> (accessed 21.02.2021).
5. Breen, R., Goldthorpe, J.H. (1997). Explaining Educational Differentials: Towards a Formal Rational Action Theory. *Rationality and Society*. Vol. 9, no. 3, pp. 275-305, doi: <https://doi.org/10.1177/104346397009003002>
6. Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с. [Sorokin, P.A. *Social mobility*. N.Y.; L.: Harper & Brothers, 1927].
7. Loveday, V. (2015). Working-Class Participation, Middle-Class Aspiration? Value, Upward Mobility and Symbolic Indebtedness in Higher Education. *The Sociological Review*. Vol. 63, no. 3, pp. 570-588, doi: <https://doi.org/10.1111/1467-954X.12167>
8. Mok, K.H. (2016). Massification of Higher Education, Graduate Employment and Social Mobility in the Greater China Region. *British Journal of Sociology of Education*. Vol. 37, no. 1, pp. 51-71, doi: 10.1080/01425692.2015.1111751
9. Denice, P. (2015). Does It Pay to Attend a For-Profit College? Vertical and Horizontal Stratification in Higher Education. *Social Science Research*. Vol. 52, pp. 161-178, doi: 10.1016/j.ssresearch.2015.02.002
10. Gerber, T.P., Cheung, S.Y. (2008). Horizontal Stratification in Postsecondary Education: Forms, Explanations, and Implications. *Annual Review of Sociology*. Vol. 34, pp. 299-318, doi: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.34.040507.134604>
11. Robertson, S.L., Dale, R. (2013). The Social Justice Implications of Privatisation in Education Governance Frameworks: A Relational Account. *Oxford Review of Education*. Vol. 39, Review 4, pp. 426-445, doi: 10.1080/03054985.2013.820465
12. Mok, K.H., Wu, A.M. (2016). Higher Education, Changing Labour Market and Social Mobility in the Era of Massification in China. *Journal of Education and Work*. Vol. 29, no. 1, pp. 77-97, doi: 10.1080/13639080.2015.1049028
13. Mok, K.H., Neubauer, D. (2016). Higher Education Governance in Crisis: A Critical Reflection on the Massification of Higher Education, Graduate Employment and Social Mobility. *Journal of Education and Work*. Vol. 29, no. 1, pp. 1-12, doi: 10.1080/13639080.2015.1049023
14. Chung, A.S. (2012). Choice of For-Profit College. *Economics of Education Review*. Vol. 31, pp. 1084-1101, doi: 10.1016/j.econedurev.2012.07.004
15. Brand, J.E., Xie, Yu. (2010). Who Benefits Most from College? Evidence for Negative Selection in Heterogeneous Economic Returns to Higher Education. *American Sociological Review*. Vol. 75, no. 2, pp. 273-302, doi: <https://doi.org/10.1177/0003122410363567>
16. Darolia, R., Koedel, C., Martorell, P., Wilson, K., Perez-Arce, F. (2015). Do Employers Prefer Workers Who Attend For-Profit Colleges? Evidence from a Field Experiment. *Journal of Policy Analysis and Management*. Vol. 34, no. 4, doi: <https://doi.org/10.1002/pam.21863>

17. Hagelskamp, C., Schleifer, D., DiStasi, Ch. (2014). *Profiting Higher Education? What Students, Alumni, and Employers Think about For-Profit Colleges*. New York, NY : Public Agenda. 50 p. Available at: https://www.publicagenda.org/wp-content/uploads/2019/12/ProfitingHigherEducation_PublicAgenda_2014.pdf (accessed 21.02.2021).
18. Lee, S. (2016). Massification without Equalisation: The Politics of Higher Education, Graduate Employment and Social Mobility in Hong Kong. *Journal of Education and Work*. Vol. 29, no. 1, pp. 13-31, doi: 10.1080/13639080.2015.1049024
19. Borjesson, M., Broady, D. (2016). Elite Strategies in a Unified System of Higher Education. The case of Sweden. *L'Année Sociologique*. Vol. 66, no. 1, pp. 115-146. Available at: <https://www.cairn.info/revue-l-annee-sociologique-2016-1-page-115.htm> (accessed 21.02.2021).
20. Sheng, X. (2017). Cultural Capital, Family Background and Education: Choosing University Subjects in China. *British Journal of Sociology of Education*. Vol. 38, no. 5, pp. 721-737, doi: 10.1080/01425692.2016.1158638
21. Binder, A.J., Davis, D.B., Bloom, N. (2016). Career Funneling: How Elite Students Learn to Define and Desire "Prestigious" Jobs. *Sociology of Education*. Vol. 89, no. 1, pp. 20-39, doi: 10.1177/0038040715610883
22. Shnarbekova, M. (2018). The Motivations Behind Educational and Professional Choices of Kazakhstani Youth (Based on the Results of Sociological Studies). *Russian Education & Society*. Vol. 60, no. 4, pp. 370-380, doi: 10.1080/10609393.2018.1473700
23. Shiner, M., Noden, Ph. (2015). 'Why Are You Applying There?': 'Race', Class and the Construction of Higher Education 'Choice' in the United Kingdom. *British Journal of Sociology of Education*. Vol. 36, no. 8, pp. 1170-1191, doi: 10.1080/01425692.2014.902299
24. Twomey, C., Boyd, J. (2016). Class, Social Equity and Higher Education in Postwar Australia. *Australian Historical Studies*. Vol. 47, no. 1, pp. 8-24, doi: 10.1080/1031461X.2015.1122071
25. Anthony, A.J. (2016). (No) Harm in Asking: Class, Acquired Cultural Capital, and Academic Engagement at an Elite University. *Sociology of Education*. Vol. 89, no. 1, pp. 1-19, doi: 10.1177/0038040715614913
26. Jerrim, J., Chmielewski, A.K., Parker, P. (2015). Socioeconomic Inequality in Access to High-status Colleges: A Cross-Country Comparison. *Research in Social Stratification and Mobility*. Vol. 42, pp. 20-32, doi: <http://dx.doi.org/10.1016/j.rssm.2015.06.003>
27. Crompton, R. (1998). *Class and Stratification. An Introduction to Current Debates*. Cambridge : Polity Press, 272 p.
28. Shavit Y., Arum R., Gamoran, A., Menachem, G. (2007). *Stratification in Higher Education: A Comparative Study*. Palo Alto : Stanford University Press, 504 p.

Статья поступила в редакцию 31.08.20

После доработки 04.09.20

Принята к публикации 21.02.21

The paper was submitted 31.08.20

Received after reworking 04.09.20

Accepted for publication 21.02.21